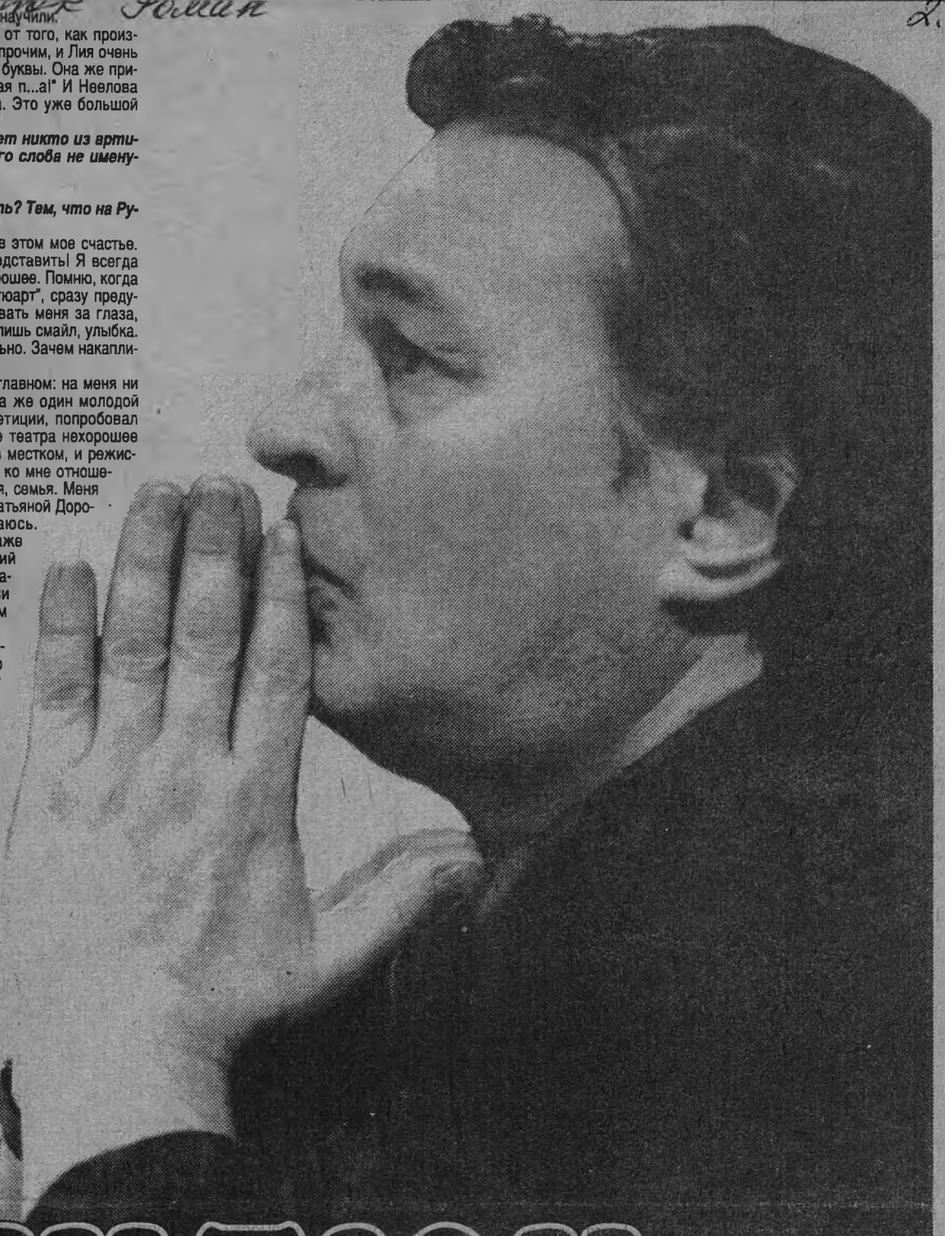
Виктюк Роман

2. 10. 93



МАЗОХИСТ ВИКТЮК

Компьютерный монтаж: Шухрат А. ПАРДАЕВ

Моск. правда. – 1993. – 2 окт. – с. 3.

Этому очень яркому и самобытному (по другой версии – страшно скандальному и сумасбродному) режиссеру мало слов, которыми пользуются все. У него свои – особые – лексика и тональность речи. Поэтому и для интервью с Виктюком катастрофически не хватает общепринятых знаков препинания. Фонтан, а не человек. Интонацию, мимику, жесты Виктюка не передашь, даже выстроив вереницу из восклицательных знаков и многоточий. Увы...

ПО ОДЕЖКЕ ВСТРЕЧАЮТ

– Роман Григорьевич, прежде чем переходить собственно к интервью, хотел бы перепроверить свои впечатления. Не впервые наблюдаю вас, и всякий раз вы в каком-нибудь сногсшибательном пиджаке расцветки аля-улю, потрясных брюках и с платочком на шее. Мне почему-то кажется, что вы не переживете позора и покончите жизнь самоубийством, если кто-то даже случайно увидит вас, ну, скажем, в драных носках или нечищеных ботинках.

– Странный вы человек: я – и в драных носках! Как, почему, зачем? Я даже не могу себе такое страшное представить. Разве можно о подобном говорить? Ужас!

В буржуазном мире люди вообще по три раза в день костюмы меняют – в зависимости от ситуации. И я... Во время репетиции даже цвет пиджака имеет большое значение. Например, есть пьесы, которые нельзя репетировать не в шелковой рубахе.

– Какая здесь взаимосвязь?

– Очень простая. Синтетика поглощает энергию, которую я должен передавать артистам. Синтетику я вообще не признаю. Даже лен – казалось бы, натуральная ткань – задерживает энергию.

– Честно говоря, я не рассчитывал на столь серьезное обоснование...

– Где серьезное? Оно так и есть, я ничего не выдумываю.

– Но я-то полагал, бы о стиле жизни заговорите, о соответствии образу.

– При чем тут стиль? Это уже автоматика. Скажем, я иду в театр смотреть "Чайку", привезенную японцами. Японцы! Это предполагает определенный ритуал, не позволяющий надевать цветное. Я задрапировался во все темное и только вздрогнул, когда увидел японского режиссера в черном. Значит, не ошибся.

– И еще одно предваряющее разговор ощущение, которое нуждается в подтверждении или опровержении. Фильм "Баттерфляй" начинается с таких кадров: вы выводите на балкон львовского дома старенького отца и проникновенным голосом просите его посмотреть вниз, в сторону кинокамеры. В этот момент в кадре некстати появляется какой-то парнишка, которого вы тут же направляете по известному адресу...

– Да-да! Я ору на племянника: "Ах ты, блядь! Куды прэшся?"

езда, естественно. Мы договорились, что я буду выпускать в Неаполе два спектакля в год и читать курс в академии, а уж где я стану жить в перерывах – никого, кроме меня, не касается.

– И тем не менее к Москве бы по-прежнему продолжаете относиться как к некоему перевалочному пункту на своем жизненном пути?

– Здесь моя прописка, мой дом. Я ведь сейчас почему-то не уехал на Украину, хотя, повторю, зовут очень активно.

– Поделитесь, Роман Григорьевич: вы испытываете по этому поводу определенное злорадство? Раньше, мол, гнали, а теперь уговаривают, хвост заносят.

– Меня и в Киеве во время гастролей многие спрашивали, не упиваюсь ли я тем приемом, который мне оказывают, созерцанием толп почитателей, осаждающих Октябрьский дворец, где проходили выступления моего коллектива? Я всегда искренне отвечал, что вид Киева, сходящего с ума от моих постановок, безусловно, мне приятен, но я не считаю себя настолько мстительным и злопамятным человеком, чтобы отравлять себе праздник. Даже тем, кто прежде немало постарался, чтобы выкурить меня с Украины, я помогал попасть на спектакли.

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ ТУТ

– Признаться, бы не производите впечатления всепрощенца.

– Почему? Я никогда ни на кого не держу зла.

– Тогда объясните, почему с таким упорством вы продолжаете на всех углах обзывать всякими ругательными словами страну, в которой живете? Как вы говорите: "империя зла", кажется?

– Почему сразу обзывать? Я просто называю: Москва –цитадель коммунизма, Ленинград – колыбель революции.

– Вы это серьезно?

– Почему нет? У вас так принято.

– У кого это у вас?

– Ну, у вас.

– А вы, значит, сами по себе?

– Приехать сразу после школы из Западной Украины, из Львова в Москву – да это же было безумие! Все равно, что добровольно сесть в тюрьму. Надо же помнить те годы. У меня коммунисты родственников сослали в Сибирь, пересажали по ГУЛАГовским лагерям. Мамин брат лет семнадцать на лесоповале отпахал.

Окна нашего класса выходили прямо во двор пересыльного пункта, куда свозили под конвоем людей со всей округи. Наши уроки проходили под крики, плач этих безвинных жертв. На этом мы воспитывались. Помню, как всех нас солдаты называли бандеровцами, всех, кто говорил не по-русски...

Из дома, где жила моя семья, каждую ночь кого-нибудь обязательно вывозили. Лестница в доме была деревянная, жутко скрипела под сапогами, и мы все прислушивались, у чьих дверей шаги затихнут. Господи, да у нас после войны творилось то же, что у вас в 37-м году! Как сейчас вижу: идешь утром в школу мимо раскрытых дверей чужих квартир, а там вещи валяются, книги. Однажды семью со второго этажа арестовали только за то, что у них была книжка Симонова "Дни и ночи". Вы можете себе такое представить? И надо же было мне именно эту книжку поднять! Я взял ее с пола в чужой пустой квартире и отнес в библиотеку. Тогда было такое правило: прежде чем записаться на абонемент, надо самому сдать одну книгу. Я и решил принести "Дни и ночи". Не забуду лицо украинки библиотекарши – украинки, подчеркиваю – которая замахала на меня руками и сказала: "Спрячь эту книжку и никому никогда ее не показывай".

– Какой это год был?

– А я знаю? Что я, высчитывал? Нехороший год.

Теперь вы чуть-чуть понимаете, почему Москва для меня являлась цитаделью коммунизма? Родственники на учебу меня отправляли, как на край света – со своими подушками, сковородками, кастрюлями. Они понимали, что я человек упорный, если решил учиться в театральном институте, то своего добьюсь, но в то, что я вернусь из Москвы живым и невредимым, никто не верил. Как навсегда прощались... Еще эти ваши страшные переполненные вагоны. О, Боже!

– Все-таки: "у вас" – это у кого? У россиян, у русских?

– У цитадели коммунизма. Все вы тут комсомольцы и коммунисты.

– Вы, получается, красный галстук не носили?

– Моего согласия никто не спрашивал, взяли и приняли в пионеры. То же самое и с комсомолом. Но все равно мы эти галстуки и значки носили не так, как вы. Только в школе, а за порогом сразу срывали и прятали в карман. Если бы мы росли в обыкновенной "совьетской" семье, то в день смерти Сталина, например, должны были бы испытывать горе и ужас, а мы радовались, хохотали, ибо чувствовали совсем иное. Кроме всего прочего учтите, что я еще и верующий человек.

– Крещенный в детстве?

– А когда же еще?

– Мало ли...

– Нет, у нас так не бывает.

Греко-католическая церковь долгое время была под запретом, и я даже не мог допустить мысль, что она когда-нибудь выйдет из подполья. Но это не мешало моей вере. Как-то, кажется, в честь 60-летия образования СССР я ставил пьесу Ивана Франко "Украденное счастье" во МХАТе имени Горького и сделал так, что на протяжении всего спектакля звучала греко-католическая месса. Однажды в театре ко мне подошел незнакомый человек, отвел в сторону, поцеловал руку и шепотом спросил: "Вы понимаете, что натворили?" Я прекрасно понимал. Когда у меня комиссия министерства культуры интересовалась, что за музыка сопровождает спектакль, я без секундной заминки отвечал, что это Черновицкий хор. Все тут же начинали восторгаться голосами талантливых исполнителей, выросших при социализме. Я, понятно, соглашался. На самом же деле, пели канадские украинцы. Эту запись мне передала жена посла Канады...

Нет, вы не подумайте, это не было с моей стороны каким-то сознательным вызовом, скрытой издевкой или, Боже упаси, провокацией. Просто я не мог поступить по-другому.

– И чем же вы себя укрепляли в этой самой цитадели?

– Это не я. По натуре я труслив. В своей жизни мне встречался только один более трусливый человек, чем я. Это Александр Вампилов.

Мы познакомились с ним в Твери, когда Сашу никто еще не знал и не ставил. Вместе ходили по московским театрам, просили посмотреть его пьесу "Свидание в предместье" (снятый гораздо позже фильм назывался "Старший сын", помните, там Леонов, Караченцов, Боярский играют?). Так вот... Просиживали мы по полтора часа в приемных маститых столичных мэтров. Обошли тогда почти все театры. В одном нам режиссер просто швырнул пьесу обратно. Я не удержал страницы, и они веером разлетелись по полу. Мы с Сашей ползали на карачках, а режиссер стоял над нами и орал: "Это пошло, это гадко. За такую пьесу никто и никогда не возьмется". Спустя много лет я встретился с этим режиссером, попытался напомнить обстоятельства нашего знакомства. Он начал уверять меня, что я самый любимый его режиссер, а Сашу Вампилова он вообще всю жизнь мечтал поставить у себя.

– Скажите, о ком речь.

– Назову, еще обидится. Говорю же вам, что я трус... А впрочем... В театре Гоголя дело происходило. Я после того случая лет пятнадцать в этот театр не заходил, не меньше.

Но я недорассказал. Вышли мы от этого режиссера, как оплеванные. Саша в своем синем, каком-то зачуханном костюмчике, пытающийся спрятаться за меня, и я, старающийся спрятаться за него. Брели мы к метро "Курская", и Саша вдруг заговорил о замысле "Утиной охоты". И у меня не хватило ума тогда же все это записать. Помню только, что финал был другой, с убийством. Потом я дважды пытался поставить пьесу так, как слышал тогда от Саши, но, думаю, значительную часть вампиловских шифров, заложенных в тексте, я пропустил. Многое ведь было на уровне полутонов, намека. Цензура страшно уродовала пьесы Вампилова, и Саша вынужден был защищаться.

Конечно же, он ненавидел всю эту советскую систему. На этом мы с ним сошлись. Мы не были диссидентами, об этом даже смешно говорить, но чувство несчастья ощущалось нами вполне. Пугливость исходила не от страха, что посадят. Мы мучились от незнания, где и как искать выход. Мне лично очень помогало общение с Даниэлем и Синявским, яркими личностями, определявшими мой мировоззренческий кругозор.

Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу, скажу: не я укреплял себя и даже не люди, меня окружавшие. Тут другое. Это можно по-разному называть – в зависимости от образования, воспитания, культуры. Я считаю, что меня спасал мой ангел-хранитель, некий высший разум, руководящий всеми нами.

К счастью, я живу не в суете, давно осознав необходимость создать свой собственный окоп, недоступный для других. Я, например, никогда не буду состоять в штате государственного театра, потому что знаю: стоит дать ухватиться за палец, как эта машина затянет тебя всего с головой. Я выскакиваю из засады, добегаю до чужого окопа, попасусь там немножко и – обратно. Но в каждом театре, в котором мне приходилось работать, я старался создать кружок единомышленников. Помню, мне удалось сколотить команду – Пастухов, Калягин, Терехова... Десяток лучших артистов! Я притащил их на телевидение. Боже, как мне хотелось, чтобы у меня играл и Высоцкий. Но они, представители этой вашей системы, сделали все, чтобы не выпустить Володю на экран. А ситуация во МХАТе, где я ставил рощинскую пьесу "Муж и жена снимут комнату" и использовал песни Высоцкого? Я настаивал, чтобы авторство Володи обязательно было отражено в афише. И что? Написали. Среди бутафоров, костюмеров, администраторов. У меня эта афиша теперь висит дома.

Но между прочим, упоминание в афише академического театра дало право Высоцкому выступать с авторскими концертами. Представляете? Володя всю жизнь меня благодарил за то, что я решился проявить настойчивость.

– Конечно! Вы же меня ему научили.

Но, кстати, многое зависит от того, как произносить то или иное слово. Между прочим, и Лия очень даже уверенно выговаривает эти буквы. Она же признает: "Да, вы правы, я бездарная п...ая" И Неелова согласилась, что она старая п...а. Это уже большой прогресс.

– Простите, а вас в ответ никто из артистов мужским синонимом этого слова не именует?

– Каким?

– Ну, как бы вам объяснить? Тем, что на Руси прежде называлось удом?

– Нет, я такого не слышу, в этом мое счастье. Боже, подобное невозможно представить! Я всегда учу: врите, но говорите только хорошее. Помню, когда начинал репетировать "Марию Стюарт", сразу предупредил: можете как угодно обзывать меня за глаза, это ваши проблемы, но в глаза – лишь смайл, улыбка. И два года у меня было все идеально. Зачем накапливать отрицательные эмоции?

Но ведь вы не спросили о главном: на меня ни один артист не обижается. Когда же один молодой режиссер, посидев на моей репетиции, попробовал сам сказать актерам из этого же театра нехорошее слово, на него тут же написали в местком, и режиссер получил выговор. Понимаете, ко мне отношение иное. Театр – ведь жизнь моя, семья. Меня все здесь знают, и я всех. Я и с Татьяной Дорониной, к примеру, так же общаюсь. Только я один могу ее ругать. Даже ее бывший муж Эдик Радзинский убегал в страхе из зала, когда я начинал крыть Татьяну последними словами. А с Олегом Ефремовым как мы цапались!

И еще очень важный момент: я ведь ни на кого не таю зла. Обматерю, а через секунду первый кричу "Брависсимо!" Ору, бегаю по залу, ругаюсь, хвалю, а за всем за этим единственная цель – создать особую творческую обстановку, раскрепостить актера, стать тем зеркалом, в котором он увидит самого себя. Сегодня процесс рождения спектакля важнее, чем сама постановка.

– Может, секрет беспрекословного подчинения вам актеров заключается в том, что вы обладаете абсолютной властью над ними?

– Какой властью? Я ведь им не начальник, зарплату не плачу, квартиры и путевки в санатории не распределяю.

– Ой, Роман Григорьевич, а то бы не понимаете, о чем я говорю!

Ладно, давайте конкретно. Валентина Талызина рассказывала, как бы застабляли ее бо-

А Юлий Ким? Я, сумасшедший человек, пригласил его, голодного, лишенного права на заработок, в Тверь, дал возможность сочинять музыку к спектаклю. Правда, в афише пришлось все же поставить псевдоним – Михайлов. Но и это было по тем временам большим безрассудством. Нет, я никогда не занимался сознательным провоцированием властей, не бросал вызов системе, мне это было совершенно не нужно. Я просто жил сообразно собственным принципам и представлениям.

– И тем не менее вы ведь, наверное, предпринимали какие-то шаги, чтобы перехитрить КГБ?

– Как их можно перехитрить? Что вы такой наивный? Они всегда все знали обо мне, а я все знал о них. Только я никогда в жизни с ними не общался.

– И комитет вас тоже не трогал?

– Что вы такое невозможное говорите? Они постоянно были рядом, словно левая или правая рука. Но самое важное – главный цензор сидел внутри меня, как, впрочем, и в каждом из нас. Совсем необязательно было вызывать человека на какую-нибудь Лубянку, чтобы припугнуть. Мы все сами душили себя. Так вожди гениально придумали эту систему...

Когда в Ленинграде в театре комедии я ставил "Льстеца" Гольдони, мне попались Нобелевская лекция Александра Солженицына и новая книжка Андрея Синявского. Прочитанное показалось мне настолько актуальным, что я решил непременно вставить эти тексты в итальянскую пьесу. Опять-таки не из вредности, подвоха или диссидентства, Боже упаси! Мне захотелось поделиться тем, что узнал сам. Я считал себя не вправе духовно обделять людей, пришедших на спектакль. Поэтому я придумал какие-то мифические дневники Гольдони. Никому не говорил правду! Даже переводчице не мог этого сказать, сочинил для нее легенду, что сам нашел перевод этих дневников и только попросил: "Тамарочка, посмотрите текст, поправьте, если требуется". У нее хватило ума признать, что все написано на очень хорошем русском языке. И артист Ленке только в позапрошлом году узнал, что на протяжении 10-15 минут произносил солженицынскую крамолу...

А как смотрели на меня, когда я пригласил Бориса Гребенщикова, которого еще никто не знал, спеть песню на стихи Гумилева? Б.Г. и его архаровцы явились в академический театр в драных джинсах, с повязками на головах, уселись на пол и стали репетировать. Закончилось все тем, что вызвали работника из управления культуры, который и выкинул номер из спектакля. Жаль, та запись у меня не сохранилась. Это было, по-моему, одно из первых выступлений Гребенщикова.

– Когда это было?

– А я что, запоминал? Когда Солженицыну присудили Нобелевскую премию, тогда и было. Я сразу текст его речи заполучил.

...Теперь, небось, ты спросишь, где я текст взял? Но я же все-таки общался с людьми!

АКТЕР АКТЕРЫЧИ

– Роман Григорьевич, я неоднократно присутствовал на ваших репетициях и хочу сказать...

– Ну что, что ты хочешь сказать?

–...что всегда поражался вашему фонтану...

– О, Боже! Фонтану чего?

– Всего! И когда вы матом прете на Лию Ахеджакобу...

– А зачем ты слушаешь?

– А зачем вы говорите?

– Что мне остается, если она не понимает ничего другого и способна воспринимать лишь язык, к которому она привыкла?

– Полагаете, только так можно изъясняться с актерами?

– К Венедикту Ерофееву претензий не имеете? У него вся книга состоит из этих слов. Это ваш язык.

– Опять "ваш"!

робать книги из библиотеки в каком-то провинциальном городке. Не станете оспаривать этот факт?

– Зачем же? Было такое. Не только Валя этим занималась, но и Маргарита Терехова, Нина Дробышева.

– Вот-вот! Кому бы еще удалось подбить на мелкие кражи уважаемых и, не сомневаюсь, уважающих себя актрис?

– А это было вовсе не воровство. Там эти книги все равно никто не читал. Они никому не нужны были в этом городе. Волошин говорил: "Я снимаю отягощенные плоды".

– Вы полагаете, Максимилиан Александрович подразумевал именно это?

– Ну, мешали эти книжки библиотеке, мешали, я же вам, я же спрашивал! Ну вы просто сумасшедший! Зачем же редким изданиям пылиться на полках? Мы давали им новую жизнь. Мы просто переносили книжки из одного места в другое, туда, где их могли оценить.

– Но, согласитесь, с точки зрения морали...

– Мораль элементарная: книги должны служить тем, кто в них нуждается! С библиотеками мы так поступали во многих городах. Все театры, в которых я работал, были воспитаны на этом.

– На чем?

– На том, о чем ты спрашиваешь!

К примеру, вильнюсский театр, сегодняшние народные, заслуженные артисты – приятно вспомнить! Приезжаем мы в Вологду, я даю задание: "Дети мои, здесь прежде было много церквей, сейчас их позакрывали, но книги из библиотек, возможно, сохранились. Ищите их." И находили – в подвалах, в воде... Сочинения Бердяева, Флоренского – всех тех, кого вы сегодня издаете. Это добро лежало мертвым грузом. Мы вывозили его ящиками!

А в Калинине! Вижу, стоит на сцене мой актер и с упоением читает "Архипелаг ГУЛАГ". Я из зрительного зала это вижу! Боже мой, это под боком у вашей цитадели! Я на весь театр кричу: "Я же велел тебе дома читать!"

– Хотел бы я посмотреть на вашу библиотеку.

– Отстань!

Мы, кстати, и печати библиотечные научились выводить. Это целая система.

– Может, рецептом для своих последователей поделитесь?

– Отстань, тебе говорю!

Приезжаем в Мурманск. Днем и ночью светло. Всей труппой идем в областную библиотеку. Никого. На стеллажах книжки, которых в Москве ни за какие деньги не достать. Мы их моментально изымаем. О, как весело было!

– Кроме книг, что-нибудь еще вызывает у вас желание, скажем так, позаимствовать для личного пользования?

– Вызывает, конечно. Но у вас ведь нет компакт-дисков, приходится покупать на Западе.

Напрасно усмехаетесь. Между прочим, те самые вильнюсские артисты Володя Ефремов, Миша Евдокимов, которые книги по моей указке таскали, первыми пришли к литовскому парламенту, когда его хотели ваши танки штурмовать.

– Почему среди своих любимых артистов вы в последнее время перестали называть Эрика Курмангалиева? Обиделись?

– Что значит "обиделся"? После дебюта в "М.Баттерфляй" Эрик очень изменился, увы, не в лучшую сторону. Впрочем, я знаю, что Курмангалиева накручивает человек, называющий себя его менеджером. Это он внушает Эрику, что тот гений и звезда. Парень же на глазах опускается, крепко пьет. Мы купили Курмангалиеву квартиру за десять с лишним тысяч долларов, он ее не отработал. Если дальше так пойдет, придется обращаться в суд. Хотя, подчеркну, на Эрика у меня обид нет, им управляют другие.

ЧЕЧИРКА, МАНЮРКА И ДРУГИЕ ЧАСТИ ТЕЛА

– Давайте поговорим об анатомии. Как перевести с виктюковского на русский слова "манюрка", "чечирка"?

– Это знают даже итальянцы, шведы и американцы. Выучили.

– Просветите и меня.

– Манюрка – женский детородный орган, чечирка – мужской. Все очень просто. Эти слова входят в правила игры с актерами, которой я пользуюсь на репетициях и тем самым помогаю артистам вернуться в детство. Это необходимо, поскольку с потерей ощущения первородности исчезает искусство. Детскость жива в Марине Неелловой, поэтому мне так легко с ней работать. Ребенком до самых последних дней жизни была Фаина Раневская, угольками своих синих глаз она сражала наповал.

– И все-таки давайте о неологизмах. Это чисто ваше изобретение?

– Господи, ну конечно. Я был потрясен, узнав, что, например, в Риме есть улице Чичероне. Забавно!

– Я правильно понял, что, по вашей теории, чечирка и манюрка – главные органы человека?

– Не стал бы утверждать так категорически, поразному бывает. Если, например, я использую фройдистский анализ в работе над спектаклем, то не стремлюсь общаться с артистами на наукообразном языке. Это не приведет к нужному результату, меня никто слушать не станет, с речами Зигмунда Фройда я буду выглядеть дебилом. Поэтому, зная Фройда, я его использую не напрямую, а с помощью игры.

– Слышал о ваших планах экранизировать "Венеру в мехах" Захер-Мазоха...

– Это продолжение все той же темы постижения тайны человеческой.

Кроме того, автор этого произведения – мой земляк, львовянин. Главное же то, что открытие мазохизма, охватывающего не только область секса, но и политики, определило направление развития цивилизации в XX веке. Когда я смотрю все эти депутатские съезды, заседания Верховного Совета, я убеждаюсь, как Мазох все правильно предугадал: это же чистые мазохисты!

– Себя бы, случаем, не относите к их числу?

– Мазохистов? Я член общества Мазоха, но это совсем другое. Мне интересны взгляды этого человека, я добиваюсь открытия во Львове его музея, установки памятника.

– Безусловно, это очень актуально: увековечение памяти родоначальника, как утверждает "Большой энциклопедический словарь", разновидности полового извращения.

– Господи, нашли откуда черпать информацию! Никакое это не половое извращение. Вся мировая культура пользуется мазохизмом.

ПОЛИТИКИ = ИМПОТЕНТЫ?

– Роман Григорьевич, вы мимоходом бросили фразу о политиках, но мне хотелось бы услышать более развернутую вашу оценку их сексуальной привлекательности.

– Боже, какая привлекательность! Стремление к власти убивает в человеке все остальное. Хотя... Когда видишь, как сидит Хасбулатов, совершенно отчетливо ощущаешь, что пружина у него в одном месте. И он эту пружину постоянно закручивает, а противники наоборот пытаются ее раскрутить.

– А у Ельцина эта самая, употребляя вашу терминологию, пружина есть?

– Безусловно, но они с Хасбулатовым пользуются ими абсолютно по-разному. Ельцин умеет расслабляться или хотя бы создает видимость, а Хасбулатов в постоянном напряжении. Поэтому первый как бы разбухает, а второй напротив – сжимается.

– И чем это закончится?

– Откуда я знаю, у кого пружина крепче? Может, Хасбулатов за границей сделал себе ее из золота. Они все коммунисты, у них эта система отработана. А может, эти пружины хранятся в специальных барокамерах, проходят спецобработку.

– Сбинчивающаяся чечирка?

– Совершенно точно.

– Помню, как вы буквально парой слов размазали Собчака.

– Я тебе дам сейчас! Что я такое сказал?

– Вы рассказывали о том, как Анатолий Александрович принимал вас в Питере. Он вам что-то говорит, а вы не знаете, в какой глаз смотреть.

– Я и сегодня не знаю! Он же косой. Собчак! Я его боюсь!

Кстати, я ведь жил в его резиденции в Смольном.

– В Смольном – вы?

– Ну да! В этом же вся трагедия! Это даже не цитадель, а люлька вашего коммунизма. Я в люльку залез и раскачивался в ней! Я жил в домике, в котором жил Жданов, сидел за столом, за которым он сочинял свои пасквили на Ахматову и Зощенко. Я говорил по телефону, по которому говорил Жданов!

Чтоб вы совсем поразились, скажу, что в Москве я живу в бывшей квартире Василия Сталина. Каково, а? Я – и потомок этого тирана!

– Это экзотика, а в реальной жизни с властями вы часто соприкасаетесь?

– Никогда! Даже в театре. Было два спектакля – "Царская охота" и "Анна Каренина", пользовавшиеся популярностью у членов Политбюро ЦК. К своей чести, чести Тереховой, Маркова и Зорина мы ни разу не сходили в буфет, который эти самые руководители всегда привозили с собой.

– Даже не подходили к вождям, их мнением не интересовались?

– Господи, да он глухой совершенно! Вы понимаете, это ложа, туда подниматься надо.

– А как же Крабчук?

– И с ним было гениально. Обычно как говорят? "Леонид Макарович, познакомьтесь..." Я же все подстроил так, что Кравчука мне представляли. Правда, у президента хватило ума рассмеяться. Этим он мне понравился.

– На одной из встреч вам задали вопрос о частичной отмене 121-й статьи УК, но вы ушли от ответа.

– Боже, вы убиваете своей наивностью! Я клянусь, что не знаю всех этих ваших статей! Только потом мне объяснили, что речь идет о гомосексуалистах. Если вас так интересует, скажу: надо не только первый пункт этой статьи отменить, но и все другие. У вас по-прежнему продолжается средневековье.

– Повторю ваше любимое "Господи!", чтобы воскликнуть: опять "у вас"!

– Господи, конечно, у вас!

– Но бы же не уезжаете туда, где нас нет. Рутаетесь, но не уезжаете! И после этого продолжаете утверждать, что бы не мазохист.

– Да мазохист я, мазохист! Боже, чем ты слушаешь?

Я живу там, где микробы. В этом парадокс: чем страшнее среда обитания, тем лучше для художника. Не могу я существовать в дистиллированной воде.

Я самый что ни на есть советский человек, всю жизнь проведший с вашим народом. И когда сегодня в метро мне на шею бросаются дамы с криком: "Люди, смотрите – Виктюк! Он с нами ездит," – я отвечаю: "Я всегда ездил в вашем метро, просто раньше вы меня не узнавали".

– Вы ездите в НАШЕМ метро, ходите в НАШИ магазины...

– А в какие мне еще ходить? Нет, вы точно сумасшедший!

– ...и приходя домой, ужинаете НАШИМИ пельменями...

– Не ем я ваших пельменей! Вкуса их не переношу. Я люблю макароны по-флотски.

... А мой пиджак, который ты в начале разговора пренебрежительно отнес к стилю аля-улю, между прочим, пятьсот долларов стоит!

Андрей ВАНДЕНКО.

78

Сн. на 88.